

Ганс Кюнг как модернист на Втором Ватиканском соборе

Черный А. И.

В статье исследуется роль Ганса Кюнга (1928–2021) как ведущего теолога-модерниста на Втором Ватиканском соборе (1962–1965). Будучи самым молодым *«peritus»* (приглашенным богословом-экспертом), Кюнг оказал значительное влияние на подготовку ключевых документов, особенно в области экклезиологии и экуменизма. Автор анализирует эволюцию взглядов Кюнга – от активного участия в соборных дебатах до радикальной критики папской непогрешимости, которая привела к лишению его права преподавать от лица Католической церкви. Особое внимание уделено противоречивому наследию Кюнга: с одной стороны, его идеи способствовали обновлению католического богословия, с другой – их крайний радикализм вызвал конфликт с церковной иерархией. В статье показано, что Кюнг стал символом главного конфликта Второго Ватиканского собора – баланса между реформаторским потенциалом и доктринальными границами.

Ключевые слова: Ганс Кюнг, Второй Ватиканский собор, католический модернизм, *Lumen Gentium*, папская непогрешимость, экуменизм, аджорнаменто.

Отношения и деятельность: не оказывают влияния на представленный материал.

Черный Алексей Иванович – священник, кандидат богословия, PhD in Theological Studies, доцент ПСТГУ, Москва, Россия. ORCID: нет.

Сфера научных интересов: современное католическое богословие, история русского богословия синодальной эпохи, пастырское богословие, богословие таинств.

Автор, ответственный за переписку (Corresponding author): lexschwarz@gmail.com

Hans Küng as a Modernist at the Second Vatican Council

Alexey I. Cherny

This article examines the role of Hans Küng (1928–2021) as a leading modernist theologian at the Second Vatican Council (1962–1965). As the youngest *peritus* (invited theological expert), Küng significantly influenced the drafting of key documents, particularly in ecclesiology and ecumenism. The author analyzes the evolution of Küng's views – from active participation in conciliar debates to his radical criticism of papal infallibility, which ultimately led to the revocation of his authorization to teach as a Catholic theologian. Special attention is given to Küng's controversial legacy: while his ideas contributed to the renewal of Catholic theology, their extreme radicalism provoked conflict with Church hierarchy. The study demonstrates that Küng became emblematic of the central tension of the Second Vatican Council – the balance between reformist potential and doctrinal boundaries.

Keywords: Hans Küng, The Second Vatican Council, Catholic modernism, *Lumen Gentium*, papal infallibility, ecumenism, *ajornamento*.

Relationships and Activities: none.

Alexey I. Cherny – Priest, Candidate of Theology, PhD in Theological Studies, Associate Professor at St. Tikhon's Orthodox University (PSTGU), Moscow, Russia. ORCID: none.

Research interests: Contemporary Catholic theology, History of Russian Theology during the Synodal Period, Pastoral Theology, Sacramental Theology.

Corresponding author: lexschwarz@gmail.com

I.

Проблема соотношения традиции и новаторства обуславливает один из самых сложных конфликтов в истории христианской мысли. Неизменная по своему существу Церковь существует в изменчивом мире, на который она должна направлять свое творческое пастырское действие. Новаторство, ставящее под вопрос традицию Церкви, при определенных условиях может быть охарактеризовано как модернизм.

Между тем, понятие модернизма в значительной мере остается неопределенным. Наиболее корректно было бы рассматривать его как технический термин, относящийся к антимодернистской кампании – конкретному периоду истории Католической Церкви и католического богословия с кон. XIX до сер. XX вв.

Немецкий догматист Питер Нойнер объясняет антимодернистскую кампанию тем, что в XIX в. Католическая Церковь развивалась под сильным влиянием Французской революции. То, что начиналось с идей свободы, равенства и братства, через несколько лет привело к страшным жестокостям и хаосу. В 1792 г. сотни священников и монахов погибли под гильотиной как «враги республики», церковные реликвии были обесчещены и использовались как карнавальная атрибутика. В ходе секуляризации 1803 г. «сточные канавы, казалось, восторжествовали над цивилизованным миром и установленным порядком» [Neuner 2014:161-162; Neuner 2009:11-13]. Папы Григорий XVI и Пий IX были напуганы революционными событиями 1848 г. и во всех попытках реформ видели ни что иное, как опасность для церкви и папского государства, и чувствовали себя обязанными противодействовать этим тенденциям как можно более решительно. Поэтому, как считает Нойнер, нет ничего удивительного, что Католическая Церковь дистанцировалась от требований современности и Просвещения. То, что позиционировалось как современное и прогрессивное, грозило хаосом и считалось подозрительным и несовместимым с католическим мышлением [Neuner 2014: 160]. За многие решения, принятые в ходе борьбы с модернизмом, современным католикам стыдно.

О модернизме как цельном явлении стало возможно говорить только после выхода официальных документов антимодернистской кампании, объявивших модернизм «совокупностью всех ересей». Среди общих черт католического модернизма принято выделять несоответствие «официальному томизму», богословствование на языке современной философии (в частности, экзистенциализма), применение современных научных методов в библейских исследованиях. Не существовало и единого сообщества модернистов, хотя и были отдельные попытки объединить прогрессивно мыслящих католиков. В частности, в роли организатора «сообщества» католических модернистов выступал барон Фридрих фон Хюгель. Кроме того, модернисты объединялись вокруг нескольких прогрессивных богословских журналов («*Studii Religiosi*», «*Revue d'histoire et de literature religieuses*», «*Annales de philosophie chretienne*» и др.) или создавали собственные. Значительная часть подобных изданий была впоследствии включена в индекс запрещенных книг.

После официального осуждения модернистов сформировалось еще более раздробленное движение т. н. «новой теологии». Они пытались отмежеваться как от модернизма, так и от неосхоластики [Давыдов 2017:43], однако в 1950-м г. их взгляды также были отвергнуты как противоречащие католическому учению, причем в направленной против них энциклике «*Humani generis*» фактически повторялись антимодернистские тезисы.

Принято считать, что многие идеи модернизма и «новой теологии» легли в основу документов Второго Ватиканского собора (1962–1965 гг.). Католическая Церковь совершила резкий поворот в своем развитии, взяв курс на «*aggiornamento*» – обновление церковной жизни и богословия, открытость и активное участие в жизни современного мира. Исходя из широты затронутых тем, очевидно, что соборные документы не могли дать ответ на все множество вопросов, касающихся характера и осуществления реформ. Отсюда становится понятен спрос на экспертную работу, который способствовал небывалому росту влияния специалистов-теологов. Каждый епископ-участник собора имел одного или несколько консультантов-экспертов – «*peritus*», ученых, специализирующихся в

той или иной области богословской науки. Собор стал уникальной площадкой для общения между ними, они получили возможность действовать самостоятельно, не опасаясь при этом быть обвиненными в модернизме: образовывали партии и совместно определяли как ход работы над документами, так и различные варианты их богословской и церковно-практической рецепции. По выражению одного из исследователей, Второй Ватиканский собор стал собором не епископов, а теологов: «Они делали доклады и конференции, епископы сидели у их ног» [Brand, Häring 1993:780]. Конечно, в числе экспертов были самые разные люди, представляющие различные, часто противоположные взгляды на Католическую Церковь – от крайне консервативных до модернистских.

Одним из приглашенных теологов-экспертов был молодой Ганс Кюнг (род. в 1928 г.). Он присутствовал на всех четырех заседаниях Собора и посвятил всю свою энергию модернизации Католической церкви.

II.

Кюнг с самого начала своей карьеры действовал как классический модернист: одна из его диссертаций была посвящена Ж. П. Сартру (экзистенциалисту), другая – учению протестанта Карла Барта об оправдании [Küng 1957]. Поскольку Барт письменно засвидетельствовал, что Кюнг правильно оценил его позицию, а Карл Ранер заверил, что тот также правильно интерпретировал позицию Католической церкви, диссертация Кюнга сразу же вызвала большой интерес.

25 января 1959 г. новоизбранный папа Иоанн XXIII заявил о своем желании созвать вселенский собор. За неделю до этого 18 января Кюнг, который после своего отъезда из Парижа был викарием в Люцерне, произнес проповедь о воссоединении с «отделенными христианами», а на следующий день по приглашению Карла Барта выступил перед преподавателями и студентами Базельского университета с докладом на тему «*Ecclesia semper reformanda*». Этот предположительно кальвинистский лозунг о необходимости постоянных церковных реформ резко контрастировал с триумфальным духом контрреформации в католичестве того времени. Как пишет один из биографов, «Кюнг был героем дня! На католическое руководство Германии молодой швейцарский пастор-богослов произвел большое впечатление» [Kiwiet 2017:14]. Весной 1959 г. он был приглашен стать ассистентом профессора догматики на католическом факультете в Мюнстере. Его известность растет: он выступает с докладами во многих западноевропейских странах, распространяя экуменические идеи, поддерживает интенсивные контакты с коллегами-протестантами, призывает откликнуться на зов нового папы в стремлении к «aggiornamento».

В 1960-м Кюнг закончил рукопись своей первой профессиональной работы [Küng 1960], написанной по мотивам Базельской лекции. В ней он в значительной мере изложил то, что впоследствии стало программой предстоящего собора. Книга оказалась бестселлером в нескольких странах [Kiwiet 2017:14]. После этого Кюнг был назначен штатным профессором систематической теологии на католический факультет престижного Тюбингенского университета. Здесь еще с XIX в. были сильны прогрессивные традиции (достаточно вспомнить трудившихся здесь Адама Мелера и Игнаца фон Деллингера). Кюнг и не подозревал, что десять лет спустя он будет вовлечен в такой же конфликт, как – веком ранее – Деллингер, выступивший против догмата о папской непогрешимости в 1870 г.

III.

Его участие в работе собора было очень заметным – не только в рамках подготовки схем¹ документов, но и в освещении собора вовне. В частности, в 60-е годы он

¹ «Схемами» назывались проекты соборных документов.

опубликовал целую серию книг и статей о соборе [Küng 1963c; Küng 1960; Küng 1962; Küng 1963a], в определенном смысле опередив или даже предопределив соборные решения. Уже в подготовительный период (январь 1959 – сентябрь 1962) через свои публикации Кюнг способствовал привлечению внимания к церковным реформам (известно, что за этими публикациями следили самые широкие массы католиков по всему миру). Тем самым он стал одним из первых теологов-комментаторов этих реформ – причем, еще на этапе подготовки. Известный историк собора Дж. Альбериги объяснял это тем, что «работа подготовительных органов была покрыта тайной и сопровождалась загадочной сдержанностью ватиканских средств (массовой) информации, как официальных (OssRom²), так и полуофициальных (CivCat)³» [Альбериги I:432]. По его свидетельству, эта работа Кюнга была востребованной, поскольку «даже среди высшего руководства (Католической Церковью – А. Ч.) никто не имел полного представления о тенденциях [среди епископата] или о работе подготовительных комиссий. В результате в период между 1959 г. и первой половиной 1962 г. не появилось ничего, на что могли реагировать средства массовой информации и богословские журналы» [Альбериги I:432].

Уже в подготовительный период внимание к трудам Кюнга было высоким. Так во франкоязычном богословском журнале «Signes de temps» был опубликован перевод части книги Кюнга «Konzil und Viedervereinigung» [Альбериги I:438]. Эта работа была посвящена вопросам экуменизма и переосмысления Предания, она имела чрезвычайный успех и быстро была переведена на несколько языков. В ней автор утверждал, что Католическая церковь должна двигаться по пути единства, обновляя свою традицию путем адекватного восприятия достижений библейского и литургического движений, а также уделяя большее внимание идее всеобщего священства христиан и объединению христианских церквей. Для этого, по его мнению, следовало прислушаться к ожиданиям от собора и не формулировать новых догматов, способных обострить конфликты как внутри Церкви, так и с не-католиками. Собственно, данная работа Кюнга и выражала ожидания (в первую очередь, его и других прогрессистов), к которым он призывает собор прислушаться. Об этом уже упомянутый Альбериги иронично писал: «Новости о подготовке собора превращались в подготовку новостей» [Альбериги I:446].

К концу первой сессии соборной работы (октябрь 1962 г. – сентябрь 1963 г.) папа официально пригласил Г. Кюнга в качестве теолога-консультанта (*peritus*) епископа Роттенбурга-Штуттгарта. С самого начала Кюнг был членом активной прогрессистской партии немецких и французских теологов. Однако и среди прогрессистов он выделялся. Это видно на примере работы над т. н. «Проектом Открывающей декларации», составленным Ивом Конгаром и Мари-Домиником Шеню. Документ был дополнен параграфом об экуменизме, после чего Конгар отправил его Кюнгу. Кюнг был настроен очень радикально и предлагал полностью отвергнуть все 4 обсуждавшиеся на тот момент богословские схемы. Кроме того, по его мнению, на первое место следовало поставить практические, а не богословские схемы [Альбериги I:503]. Вместе с Конгаром Кюнг составил проект заявления на эту тему, которую Конгар отослал в Богословскую Комиссию. Кюнг намеревался собрать под этим заявлением подписи многих известных богословов, однако Конгар считал такой шаг неосторожным: он опасался создать впечатление «параллельного собора теологов», претендующего на то, чтобы повлиять на решения собора епископов. Без участия интегристской (или т. н. «схоластической») партии такие инициативы могли выглядеть как заговор. По словам кардинала Лемана, благодаря авторитету, которым во всем мире пользовался Карл Ранер, ему

² «L'Osservatore Romano».

³ «Civiltà Cattolica».

вместе с Г. Кюнгом, И. Конгаром, Е. Схиллебексом и Й. Ратцингером «по многим аспектам удалось с помощью хорошо подготовленных схем пробиться на открытый простор большей богословской свободы» [Lehmann 1970:148].

В первый период соборных заседаний Кюнг вместе с некоторыми другими немецкими и французскими богословами в определенном смысле составлял оппозицию большинству консервативных епископов. Оппозиционная партия стремилась преодолеть схоластический характер первых доктринальных схем, грозящий ужесточением католических позиций по многим направлениям, а также отсутствие почвы для диалога с современной мыслью и противоречие заявленным папским целям собора. Впоследствии Ганс Кюнг заметит по этому поводу:

«Я не разглашу никаких секретов, сказав, что дух накануне II Ватиканского собора даже в самом Риме был не на высоте. Оптимизма не наблюдалось. Были одни лишь проблемы, тревоги и вопросы по всем направлениям. Как что бы то ни было сможет работать с такими делегациями и такими схемами? Не является ли «открытый» элемент лишь незначительным меньшинством среди этого более чем двухтысячного множества епископов? Чего можно здесь достигнуть? Не все ли в действительности заранее решено и закончено?» [Küng 1960:67].

В этих словах слышна жесткая критика инертности и пассивности курии, сопротивляющейся реформаторским инициативам папы. Более того, Кюнг намекает на то, что Второй Ватиканский собор может пойти по тому же скандальному пути, что и Первый, на котором решения были приняты заранее и никакого реального обсуждения не предполагалось, что в итоге привело к расколу.

Тем не менее, постепенно характер собора менялся. В ходе обсуждения схемы «О божественном Откровении» несколько национальных епископских конференций организовали богословский лекторий для большего погружения в проблему. Одним из основных лекторов стал молодой Ганс Кюнг (кроме него – Конгар, Шеню и Даниелу).

Одним из главных направлений деятельности Кюнга было распространение экуменических идей (вместе с ним в этой сфере работают Э. Шиллебекс, Й. Ратцингер и И. Конгар). Он активно печатается и выступает с лекциями. Он был самым молодым (34 года) и красноречивым оратором, его любили приглашать на пресс-конференции. В результате этой «рекламы» Кюнг сумел совершить свое первое шестинедельное турне по Соединенным Штатам в марте и апреле 1963 г. Он публикует статью «Экуменическая весна в Америке» [Küng 1963b], читает курс лекций в нескольких американских университетах (совокупная аудитория – 25 000 человек) и даже посещает Джона Ф. Кеннеди в Белом доме. Однако, не обошлось без конфликтов: ректор католического университета в Вашингтоне не допускает его в свой вуз. В этом же году Кюнг публикует монографию, содержащую богословский комментарий первой сессии собора: «Kirche im Konzil» [Küng 1963a]. В ходе второй сессии эта книга была изъята из библиотек Рима, что стало заметным инцидентом, но имело неожиданный эффект, поскольку вызвало т. н. «атаку на курию», которой руководил Кёльнский архиепископ кардинал Фрингс, публично заявивший о том, что священная канцелярия «давно уже не отвечает потребностям сегодняшнего дня, вредит Церкви и у многих вызывает недовольство» [Альбериги III:158]. После этих слов зал взорвался аплодисментами.

Несмотря на запрет своей книги, что явно свидетельствовало о недоверии, во второй период соборной работы (сент. 1963 г. – сент. 1964 г.) Кюнг сумел даже усилить свое влияние. 27 сентября он выдвигался в качестве эксперта для коллегии модераторов. Немецкие епископы тогда активно выступали за разработку концепта Церкви как Таинства. Основная работа в этой области была проведена немецкими же экспертами, в том числе, Кюнгом (как писал его коллега Хуберт Йедин: «пробил

час наших богословов» [Jedin 1984:211]). Кюнг стремился активно влиять не только на содержание обсуждений, но и на состав организаторов (в частности, публично выступал за смещение Альфредо Оттавиани с поста председателя Доктринальной комиссии – этот кардинал был лидером интегристов⁴, куриальных консерваторов на соборе, кардинальский девиз которого звучал как «*Semper Idem*» («Всегда Тот же самый»)) [Альбериго III:92].

В этот же период (1963 г.) Кюнг основал международный богословский журнал «*Concilium*», который на долгое время станет рупором католического обновления⁵. В редакции Кюнг отвечал за экуменическую тематику, однако и в целом был одним из самых активных участников. Журнал стал одним из важнейших проектов в его жизни: именно Кюнг сформировал богословский профиль журнала и объединил вокруг редакции единомышленников по всему миру (всего насчитывалось около 450 сотрудников). В содержательном смысле с самого начала «*Concilium*» сформулировал свою программу в соответствии с задачами обновления Католической церкви, обсуждаемыми на соборе: установка на открытость и диалог с секулярным миром, широкое богословское и общественное обсуждение актуальных проблем церковной жизни, переосмысление роли церковной традиции, формулировка ясных критериев для обновления Церкви и богословия, развитие экуменического диалога. Разговор на эти темы на страницах журнала велся с использованием жесткой критической риторики. Например, один из идеологов «*Concilium*» П. Бранд называл Рим «неумолимой контролирующей инстанцией», сделавшей католическое христианство идеологией «построения дамб и стен» [Brand, Häring 1993:780]. Подобные выражения многократно появлялись на страницах журнала, поэтому неудивительно, что редакция не находила поддержки в среде римской курии. Также и среди авторов многие со временем сознательно дистанцировались от проекта. Среди них встречаются довольно громкие имена: Жан Даниэлу, Йозеф Ратцингер, Х. У. фон Бальтазар, со временем – К. Леманн и В. Каспер. По мнению Бранда, для Ратцингера и Бальтазара «*Concilium*» стал «занозой в боку», поэтому они создали «иерархически поддерживаемый контрпроект “*Communio*”» [Brand, Häring 1993:780]. Противостояние теологов, объединившихся вокруг этих изданий, широко известно и нередко обозначается в литературе как «*Concilium vs Communio debate*» или «the theological “star wars”»⁶.

В Третий период соборной работы (сент. 1964 г. – сент. 1965 г.) позиции курии продолжали слабеть. По выражению Альбериго, «многие убедились, что епископы при помощи богословов могут заставить с собой «считаться» [Альбериго IV:1]. Однако, хотя прогрессистская партия увеличилась и окрепла, говорить о единомыслии в ее рядах по большинству важнейших вопросов было нельзя. В этот период очень остро встал вопрос о том, в какой мере теория и практические требования времени найдут выражение в документах собора. По этому поводу Ганс Кюнг заявлял, что оценка деятельности собора зависит от того, исходит ли оценивающий из теоретических (т.е. вероучительных) или практических соображений, внутрицерковных или экуменических, тактических (компромиссных) или радикальных: «те, кому дороже первый вариант в каждой паре критериев, испытывают оптимизм, а те, кому важнее второй, впадают в пессимизм» [Альбериго III:92]. Важно отметить, что система критериев, о которой

⁴ Известны его слова: «Я надеюсь умереть до окончания собора, ибо тогда я умру как кардинал Святой Римской Церкви, а не как чиновник протестантской и прокоммунистической церкви».

⁵ Об этом подробнее см.: Церковь как институт: Полемика в католических журналах «*Concilium*» и «*Communio*». Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2023. Вып. 109. с. 46-66.

⁶ Rowland, T. Catholic Theology. L.: Bloomsbury Publishing, 2017. P. 4.

говорит Кюнг, не укладывается в привычное деление на «интегристов» и «прогрессистов». Будучи настроен наиболее радикально, Кюнг не был удовлетворен развитием событий, несмотря на то что, как утверждает историк собора Робер Рукет, во время четвертой сессии большинство (примерно 80%) епископов можно было бы считать прогрессистами [Rouquette 1968:221]⁷, среди них не наблюдалось единодушия. Большинству противостояла партия из примерно 300 епископов, организационным центром которых стала «*Coetus Internationalis Patrum*» («Международная группа отцов») [Альбериго IV:4-5]. Это консервативное меньшинство было хорошо организовано и продолжало сохранять сильное влияние на папу. В ходе обсуждения т. н. «схемы XIII» (будущей конституции «*Gaudium et Spes* – О Церкви в современном мире»), когда многие прогрессисты, лично участвовавшие в подготовке текста, были удовлетворены достигнутыми компромиссами, единственным голосом против оказался также голос Кюнга, который был настроен «крайне критично, и не только в отношении схемы XIII, но и в отношении структур и деятельности Римской церкви, как она представлена Курией. Позиция Кюнга в то время выглядела среди прогрессистов самой радикальной» [Альбериго IV:353]. Надо отметить, что мнение Кюнга и единомысленного ему Бернарда Геринга в ходе дебатов вокруг XIII схемы было подробно освещено в СМИ – ей были посвящены две отдельные статьи «*Frankfurter Allgemeinen Zeitung*». В этот же период Кюнг выступал на конференции в Англии, где заявил, что богословы имеют право обсуждать догматы, которые не являются неизменными» [Альбериго IV:353]. Отсюда понятны опасения многих отцов относительно того, что теологи-эксперты своими действиями оспаривали авторитет епископов в вопросах вероучения.

IV.

Фигура Кюнга интересна, помимо прочего, тем, что, занимая столь радикальную позицию, он вплоть до своего официального запрещения в 1979 г. воспринимается в качестве единомышленника авторами, получившими впоследствии известность как убежденные консерваторы. С работами Карла Барта молодого Кюнга познакомил Ганс Урс фон Бальтазар (поскольку и сам был очень впечатлен мировоззрением Барта). Научную серию «Экуменические исследования» вдвоем с Кюнгом издавал Йозеф Ратцингер – в частности, в этой серии в 1969 г. опубликовал свой труд «Харизма: принцип устройства Церкви» [Hasenhüttl 1969] Готтхольд Хазенхюттль – саарландский профессор систематической теологии, впоследствии запрещенный в служении, лишенный права преподавать и объявивший о своем выходе из Католической церкви (в 2003 г.). Уже в этой монографии Хазенхюттль предстает как смелый модернист – в частности, критикуя Церковь как институт, он предлагает противопоставить ей «священную анархию» [Hasenhüttl 1969:8], отношения свободные от господства, от всякого догматизма и т. п. (и это в 1969 году!). Также именно по инициативе Кюнга католический факультет в Тюбингене назначил Ратцингера профессором догматического богословия. Впоследствии Кюнг называл его «олицетворением инквизиционной администрации Рима, в котором неосхоластика продолжает находить свой идеологический оплот» [Кюнг 2000:367].

⁷ Они выступали за более четкое определение веры, более библейские богословие и духовность, умелое приспособление к десакрализованному современному миру, большее участие мирян в жизни Церкви, более полное признание религиозных свобод, большую свободу для ученых, подлинное признание позитивных ценностей других христианских конфессий, более насыщенный диалог с вышедшей из-под влияния христианства цивилизацией и за реформу центрального аппарата Церкви с учетом и большего разнообразия мировой культуры, и возрастающего стремления к ее единству, с тем чтобы епископы несли большую ответственность за деятельность Церкви в целом.

Этот список консерваторов-друзей Кюнга можно было бы продолжать долго.

V.

Как официальный *peritus*, Ганс Кюнг внес значительный вклад в разработку ключевых документов Второго Ватиканского собора. Особенно заметно его влияние в Догматической конституции «О Церкви» (*Lumen Gentium*), где образ Церкви как Народа Божия способствовал смещению богословской парадигмы от строго иерархической модели к более инклюзивному пониманию церковной общины. Однако, как показывает анализ его последующей деятельности, соборные реформы не оправдали ожиданий Кюнга, как и многих прогрессивных католиков. Парадоксальность ситуации заключается в том, что, будучи одним из главных «двигателей» соборного обновления, Кюнг постепенно оказался маргинализирован в официальной постсоборной традиции [O'Malley 2008:152]. Его радикальная критика папской непогрешимости [Küng 1970] и попытки ответить на вызовы «студенческой революции» 1968 года через свои богословские работы в конечном итоге привели к конфликту с Ватиканом, кульминацией которого стало лишение его права преподавать от лица Католической церкви в 1979 г.

Этот конфликт отражает фундаментальную дилемму Второго Ватиканского собора, который пытался найти баланс между реформаторским потенциалом и институциональными границами. Характерно, что соборные документы, избегая категорических формулировок, создали пространство для различных, порой противоречивых интерпретаций. Как верно отмечает историк собора Дж. Альбериги, для корректного понимания и использования соборных решений необходимо учитывать всю полноту его идей, а не отдельные фрагменты. По его выражению, документы собора «складываются в сложную и многоцветную мозаику, которую можно адекватно воспринимать только как нечто целостное. Выделение из общего контекста какого-либо фрагмента для детальной интерпретации противоречило бы глубинной природе Второго Ватиканского собора» [Альбериги V:794].

Заключение

Таким образом, случай Ганса Кюнга демонстрирует, что Второй Ватиканский собор, несмотря на свой компромиссный характер, действительно стал пространством для альтернативных богословских нарративов. Хотя официальная Церковь не приняла наиболее радикальные предложения Кюнга, его идеи, особенно в области экклезиологии и экуменизма, продолжают влиять на современное богословие. Это подтверждает тезис о том, что наследие Собора остается живым и актуальным, продолжая стимулировать богословские дискуссии о природе церковной власти, миссии Церкви в современном мире и путях христианского единства.

В то же время, проведенное исследование позволяет более точно определить современное значение понятия католического модернизма. Тот факт, что теологи-прогрессисты и консерваторы (интегристы) по большинству вопросов, касающихся церковных реформ, были единомысленны, позволяет многим католическим богословам признать победу модернизма на соборе. И, если под «традиционным» католическим модернизмом можно понимать любое изменение зафиксированной традиции Католической церкви или отступление от неотомизма, то теперь «градус» модернизма зависит от того, насколько радикально тот или иной автор выступает за внедрение идей собора в практику церкви и какими положениями католической

традиции он готов при этом пожертвовать – в том числе, положениями Второго Ватиканского собора.

Литература

1. Brand, P., Häring, H. (1993). Aggiornamento als wissenschaftliches Projekt. Über Anfänge und Programmatik der Internationalen Zeitschrift für Theologie CONCILIUM 77. Hans Küng, neue Horizonte. München, 779-794.
2. Hastings, A. (1991). Modern Catholicism. Oxford: OUP.
3. Hasenhüttl, G. (1969). Charisma. Ordnungsprinzip der Kirche. Freiburg im Breisgau.
4. Jedin, H. (1984). Lebensbericht. Mit einem Dokumentenanhang. Hg. v. Konrad Repgen. Mainz.
5. Kiwiet, J. (2017). Makers of the Modern Mind: Hans Kung. Ed. By B. Patterson.
6. Küng, H. (1957). Rechtfertigung: Die Lehre Karl Barths und eine katholische Besinnung. Mit einem Geleitbrief Karl Barths. Einsiedeln.
7. Küng, H. (1960). Konzil und Wiedervereinigung. München.
8. Küng, H. (1962). Strukturen der Kirche. Freiburg im Breisgau.
9. Küng, H. (1963a). Kirche im Konzil. Freiburg im Breisgau: Herder.
10. Küng, H. (1963b). Ökumenischer Frühling in Amerika. Rheinischer Merkur, 21.06.1963, 20.
11. Küng, H. (1963c). Veröffentlichungen zum Konzil. ThQ, 143.
12. Küng, H. (1964). Structures of the Church. London: Burns & Oates.
13. Küng, H. (1970). Unfehlbar? Eine Anfrage. Zürich: Benziger.
14. Küng, H. (1971). Infallible? An Inquiry. New York: Doubleday.
15. Küng, H. (2003). My Struggle for Freedom. Grand Rapids: Eerdmans.
16. Lehmann, K. (1970). Karl Rahner. Herbert Vorgrimler, Robert Vander Gucht (Hg.) Bilanz der Theologie in 20. Jahrhundert. IV. Freiburg: Herder, 143-180.
17. Lehner, U. (2016). The Catholic Enlightenment. Oxford: OUP.
18. Neuner, P. (2009). Der Streit um den katholischen Modernismus. Frankfurt am Main: Verlag der Weltreligionen im Insel Verlag.
19. Neuner, P. (2014). Vom Umgang der Kirche mit den Herausforderungen der Geschichte. Zeitzeichen, hg. von U. Kropac - B. Sill (Forum K'Universale Eichstätt Bd.2), St. Ottilien, 159-185.
20. O'Malley, J. (2008). What Happened at Vatican II. Cambridge: HUP.
21. Rouquette, R. (1968). La fin d'une chrétienté: Chroniques, Tome I. Paris: Éditions du Cerf.
22. Routhier, G. (2010). Vatican II: Hermeneutics of Reform. Montreal: Médiaspaul.
23. Rowland, T. (2017). Catholic Theology. London: Bloomsbury Publishing.
24. Vom Umgang der Kirche mit den Herausforderungen der Geschichte (2014) / Zeitzeichen, hg. von U. Kropac - B. Sill (Forum K'Universale Eichstätt Bd.2), St. Ottilien, 159-185.
25. Wiltgen, R. (1967). The Rhine Flows Into the Tiber. New York: Hawthorn.
26. Давыдов, О. Б. (2017). Новое богословие в контексте эволюции католической мысли. Христианское чтение, (6), 39-50.
27. История II Ватиканского собора. В 5-х томах (2003-2010). Общ. ред. Дж. Альбериги, А. Бодров, А. Зубов. М.: ББИ св. апостола Андрея.
28. Кюннг, Г. (2000). Великие христианские мыслители. Пер. с нем. О.Ю. Бойцовой, В.А. Зелинского, Л.Н. Коваль. СПб.: Алетейя.